

И. Ф. Окснюк

УНИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ЕДИНСТВО ЦЕРКВИ И ЦЕРКОВНЫЕ УНИИ

Завершая исполнение Предвечного Совета о спасении человеческого рода, Сын Божий молит Отца Небесного сохранить тех, кого Он дал Ему, от зла в мире и продолжает: *«Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их, да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты, послал Меня»* (Ин. 17:20, 21). В Церкви апостольского периода, как свидетельствует святой апостол Лука, существовало благодатное единство: *«У множества уверовавших было одно сердце и одна душа... все у них было общее»* (Деян. 4:32).

Храня апостольское учение о Церкви как Христовом Царстве не от мира сего, как о Телѣ Христовом (Ин. 18:36; Деян. 20:28; 1 Пет. 5:4; Кол. 1:18; Евр. 13:20), Второй Вселенский Собор в своем Символе исповедал веру «во Едину, Святую Соборную и Апостольскую Церковь». Церковь едина, ибо един Глава ее Иисус Христос, едино и Тело Его — Церковь, хотя и состоит из многих членов (1 Кор. 12:27). Она свята, ибо воистину един свят ее Глава — Господь и Спаситель. Церковь соборна, то есть не ограничена ни пространством, ни временем, призвана служить всем народам (Мф. 28:19; Мк. 16:15; Лк. 24:47). В жизни и деятельности ее принимают участие все члены, каждому из которых дана благодать по мере дара Христова (Еф. 4:7), и каждая Поместная Церковь владеет всем тем, что даровано и свойственно всей Церкви. Церковь — апостольская, ибо она неизменно хранит учение и предание святых апостолов (2 Сол. 2:15) и через преемственность священного рукоположения от них подает верным полноту даров благодати Святого Духа. Все эти свойства Церкви имеют свое основание и завершение в единстве Церкви, составляющем сущность ее.

Природные особенности, общественные и политические условия, различия в развитии культуры — все это не могло не отразиться на церковном устройстве и управлении. Они сказались и на своеобразии религиозной психологии — не только в богослужбных обрядах, но и в учении, богословских взглядах на христианском Востоке и Западе. Повлияли эти особенности и на понимание самого единства Церкви. Если на Востоке Поместные Церкви старались *«сохранять единство духа в союзе мира»* (Еф. 4:3) и принимали единство Вселенской Церкви как единение Поместных Церквей в вере, таинствах, братском общении, то на Латинском Западе впоследствии единение понимали как единство церковной организации, единство духовного авторитета и власти, как подчинение всех Церквей юрисдикции Римского епископа. Так, например, Папа Лев XIII в своей энциклике о единстве Церкви “*Satis cognitum*” от 29 июня 1896 года подчеркивает, что единство является одной из прекраснейших черт образа Церкви. Это единство, утверждает Папа, должно проявляться как в единстве веры, так и в единстве управления. Оно, как полагает Папа, согласно Божественному установлению Христа, осуществляется центральной властью Рима и высочайшей, универсальной и самостоятельной властью Римского первосвященника, «наместника» Христа и «преемника» апостола Петра.

Именно различие этих взглядов и привело к нарушению церковного единения Запада и Востока. Рим, утвердив свое господство над Церквями Запада, попытался распространить его и на Православный Восток. Как известно, это привело к разделению Церквей в 1054 году. Однако «не только на Востоке, но и на Западе церковное сознание не хотело признавать этого разделения: западные богословы, указывая на слова «Кирие элеисон, Христе элеисон» в их чинопоследованиях, доказывали, что греки и латиняне держатся одной и той же православной веры»¹. «После разделения Церквей многие ученые аббаты на Западе толковали об одной Церкви, не зная, что Церковь разделилась»².

И после разделения в течение длительного времени на Западе продолжали следовать вероисповедным традициям, заимствованным у Востока. Речь идет о Господских, Богородичных и других праздниках, богослужебных песнопениях, молитвах и давних обрядах. «Крещение на Западе до XV века совершалось, как правило, через погружение, за ним следовало Миропомазание, а после него грудному младенцу преподавалось Святое Причастие. Обычай этот сохранялся на Западе до XVI столетия. В качестве гостии (Агнца) служил квашенный хлеб, по крайней мере до VIII века, а участие в Евхаристической Трапезе до XIII века совершалось под двумя видами. До этого же времени народ осенял себя там тем самым крестным знамением, которое еще и сегодня в обычае на Востоке»³.

Конечно, разделение Церквей веками назревало с той и другой стороны, но в том, что оно произошло именно в 1054 году, повинен в первую очередь глава папской делегации, посланной в Константинополь, — кардинал Гумберт. Даже униатский автор подчеркивал, что Гумберт «своей бестактностью в переговорах не только не помог, а совсем испортил дело, да и приехал он не для того, чтобы искать согласия, а чтобы властно приказывать ... Гумберт не желал ни о чем говорить и, оставив буллу с анафемой в храме Святой Софии, тайком оставил Царьград и отправился на север, в Киев, чтобы привлечь на сторону Рима восточные Церкви (в первую очередь Русскую Церковь), опасаясь распространения в них разделения. Поэтому Гумберт нарочно направился на Украину, чтобы ее присоединить к Риму»⁴.

Уже с этого времени Русь, граничившая с государствами, испытывавшим и влияние Рима, привлекала пристальное внимание римской курии. Отделившись от Православного Востока и освободившись от его сдерживающего влияния, Рим старался распространить свою власть на все христианские народы и подчинить их своей Церкви. В 1204 году папа Иннокентий III через своих послов предложил князю Галицко-Волынскому Роману Мстиславичу принять католичество, обещая с помощью меча Петрова утвердить князя королем всей Руси. Князь отверг это предложение союза (унии), но преждевременная смерть его в 1205 году сделала возможными попытки насильственного насаждения ее на Галичской земле в годы малолетства сыновей князя Романа — Даниила и Василька.

Никоновская летопись сообщает под 1214 годом: «Того ж лета 6722 угорский король посадил сына своего в Галиче, и Церкви претвори в латынскую службу». Эту попытку насильственного введения латинства униатский церковный историк М. Чубатый называет первой церковной унией. Венгерский король Андрей II, испрашивая в 1214 году у Иннокентия III королевскую корону Галиции для своего пятилетнего сына Коломана, уверял Папу, что этого домогаются вельможи и народ подчиненной ему страны, желая находиться в единении с Римской Церковью и послушании ей, с тем, од-

¹ Болотов В. В., профессор. Лекции по истории Древней Церкви. Т. 1. СПб., 1907, с. 221, 222.

² Болотов В. В., профессор. Цит. соч. Т. 3. СПб., 1913, с. 289.

³ Tarniswibe Michael. Die Unisaneta vor der Trennung: Cur christliche Osten. Geist und Festalt. Regensburg, 1939, SS. 287, 288.

⁴ Чубатый М. Історія уніонних змагань в Українській Церкві (машинопис), с. 32, 33.

нако, чтобы им «дозволено было сохранить свой (греческий) обряд». Однако униатский автор сам называет эту унию «исторической эфемеридой», заключенной только по политическим мотивам, вопреки воле народа, оказавшего насилью решительное сопротивление. В 1219 году у стен Галича появился князь Мстислав Удалой, к нему устремилось измученное грабежами и издевательствами православное население, а с захватчиками бежало «много бояр — венгрофилов и владыка Артемий; таким образом униа лишилась всех сторонников»⁵.

Какой же была первая попытка унии на Руси? Инициатором и зачинателем унии был обладавший восточной частью Галиции венгерский король Андрей II. Приверженцами унии стали бояре крупные феодалы, рассчитывавшие на всемерную поддержку иноземцев. Феодалом был и владыка Галичский Артемий. В 1215 году сын Андрея II, Коломан, был коронован, однако народ не проявил ни единения, обещанного Папе, ни послушания. Вместе со служилым дворянством и «лепшими людьми» в городах он упорно боролся против религиозного и социального угнетения. Восстание против преступного поведения галичских бояр и насилий захватчиков приняло такие размеры, что Андрей II, двигаясь с войском к Галичу, жаловался Иннокентию III: «Галичский народ не только выступил против своего короля, нарушив присягу, но и, собрав войско от соседских русских, обложил галичский замок, где пребывал наш сын с малым гарнизоном»⁶.

Следующая попытка римской курии подчинить своей власти Православную Церковь Юго-Западной Руси была предпринята в годы правления князя Галичского Даниила Романовича — выдающегося государственного деятеля, продолжавшего линию своего отца, талантливого военачальника и дипломата.

В 1238 году на Русь нахлынула мощная волна монголо-татарского нашествия. После Киева орды Батые прошли, разоряя города и села Галичско-Волынского княжества, на запад, разгромили армию нескольких союзных войск под Лигницем в Чехии, одержали победу над войском венгерского короля Белы IV и вышли к Адриатике. Однако, имея в тылу разоренную, но непокоренную Русь, завоеватели были вынуждены в 1242 году возвратиться.

Монголо-татарская угроза заставила папу Иннокентия IV включить вопрос о защите от нее в повестку Первого Лионского Собора Римской Церкви, созванного 24 июля 1245 года. За несколько недель до начала Лионского Собора папа Иннокентий отправил в Орду посольство во главе с опытейшим дипломатом францисканским монахом Джиованни Паоло дель Карпини. Ему поручалось передать великому хану предложение: принять католическую веру и установить мирные отношения с католическими государствами Западной Европы. Вместе с тем посольство по пути должно было встретиться с князьями и представителями церковной иерархии на Руси и склонить их к единению с Римской Церковью⁷. В феврале 1246 года, возвращаясь из Орды, Карпини увидел с князем Даниилом в Донских степях Даниил Романович вступил в переговоры с папой Иннокентием IV об организации крестового похода против монголо-татарских полчищ вместе с европейскими государствами, на условиях подчинения местных епархий римской юрисдикции. Но, убедившись в безнадежности этих замыслов, князь прервал отношения с Римом и около 1248 года отказался принять присланный ему королевский венец: «Рать татарская не престае зле живущи с нами, то како могу прияти венец без помощи твоей», — велел он передать Папе⁸. Князь не желал связывать себя обязательствами, которые осложнили бы отношения с монголо-татарами. Тогда же Да-

⁵ Чубатий М. Західна Україна і Рим у XIII в. у своїх змаганнях до церковної унії. Львів, 1917, с. 16–18, 25, 78.

⁶ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, с. 260.

⁷ Рамм Б. Я. Папство и Русь в X–XV веках. М.-Л., 1959, с. 150, 151.

⁸ Полное Собрание Русских Летописей. Т. 2, стлб. 826

нии Романович направил на утверждение к Патриарху Мануилу II в Никею Кирилла — своего кандидата на возглавление Русской Митрополии.

Около 1254 года Папа (через своего нунция в Ливонии Опизо) вторично предлагает Даниилу королевскую корону и скипетр, обещая организовать крестовый поход против монголо-татар. Летописец повествует: «Опиза же приде, венець нося, обещаваяся яко помощь, имети ти от Папы, — оному же однаково не хотящу»⁹. Даниил неохотно и не без сомнений принял в Дорогичине (на Западном Буге) корону короля Галичско-Волынского княжества и обещания от папского легата помощи венгерского короля и польских князей против татар. Однако никаких изменений в церковных отношениях, существовавших в Галичской Руси, и в настроениях соседей-католиков это событие не вызвало. Окончательно убедившись в том, что ожидать помощь от Рима бесполезно, Даниил Романович порвал с ним всякие отношения.

Таким образом, отношения Рима с князем Галичским Даниилом строились не на идее вероисповедного единения Русской Церкви с Римской. Переговоры возникали по инициативе Рима. Как и во всех подобных случаях, к согласию на унию вынуждалась сторона, испытывавшая политические затруднения и надеявшаяся на поддержку Рима. Поэтому униатскому историку опять пришлось признать тот факт, что «уния Даниила на галичско-волынской Украине не удержалась, так как основана была на мотивах чисто политических, а их при религиозных реформах недостаточно»¹⁰.

Исключительно политическими, только мирскими побуждениями руководствовались византийские императоры и римские первосвященники, создавая Лионскую унию 1274 года и Флорентийскую унию 1439 года. «Временно и, разумеется, частично восстанавливалось единение с Римом к период Латинской Империи (1206–1261) и после Лионского собора 1274 года, а также, еще раз после Ферраро-Флорентийского собора. Да это воссоединение и не могло быть продолжительным, потому что народ не желал его, а императоры соглашались на него только из страха перед турками». Так оцениваются эти унии на католическом Западе¹¹. Действительно, народ в Православной Церкви, сроднившийся со своей исконной традицией, всегда и везде противился чуждой ему римской унии. Поэтому она обычно подготавливалась тайно от народа и навязывалась насильственно.

Флорентийская уния не была принята нигде на Руси: ни в Москве, где митрополит Исидор был взят под стражу и осужден собором епископов за измену Православной вере, ни в Литве, ни на Украине. Не найдя на Руси почвы для насаждения унии, Исидор, бежав из заключения, возвратился в Рим. Православная Церковь в Литве и на Украине несколько лет оставалась без митрополита. В 1451 году король польский и великий князь литовский Казимир IV передал митрополиту Ионе «престол митрополичий Киевский и всея Руси по установлению и обычаю русского христианства».

В 1458 году, по указанию папы Каллиста III, в Литву из Рима прибыл униатский митрополит Григорий Болгарин — ученик Исидора. Однако и Григорий, трезво оценив обстановку, ничего не сделал для утверждения унии, а в 1470 году обратился к Патриарху Константинопольскому Дионисию, возвратился в Православие и получил благословение на Киевскую митрополию. Безуспешными оставались и дальнейшие усилия королей польских и великих князей литовских привести православное население подвластных им украинских и белорусских земель в послушание Римскому престолу. Таким образом, Флорентийская уния на Украине не оставила заметных следов. Иное значение приобрела Брестская церковная уния 1596 года.

Овладев украинскими и белорусскими землями с многочисленным православным населением, католические правители Польши и великого княжества Литовского не пе-

⁹ Там же, стлб. 827.

¹⁰ Чубатий М. Західна Україна і Рим... с. 69.

¹¹ Marx J. Lehrbuch der Kirchengeschichte. Trier, 1929. S. 302.

реставали принуждать его к принятию католичества, освящавшего господство королевско-магнатской Польши и национально-религиозное угнетение православных подданных. Эти условия особенно возросли после политической Люблинской унии 1569 года, объединившей Польшу и Литву в Речь Посполитую — государство во главе с королем и великим князем литовским, общим сенатом и сеймом. Всем иноверным, в том числе и православным, в Люблине было обещано свободное исповедание веры, гарантировано употребление русского языка в официальных документах. Эти уступки вызывались политической необходимостью момента и никогда не были реализованы. В Люблине шла речь и об унии в смысле присоединения к Римской Церкви всех инаковерующих, в том числе и православных.

Возведение в 1589 году Митрополита Московского и всея Руси в сан Патриарха возбудило в Речи Посполитой боязнь распространения его авторитета среди православного населения Украины и Белоруссии, всегда в невзгодах обращавшего свои взоры к единой Московской Руси в надежде на помощь. К этому времени иезуиты, достигнув в Польше значительных успехов в борьбе с протестантами, начали активную борьбу с православными. Убедившись в бесплодности намерений обратить их в латинство, иезуиты принялись настойчиво и спешно готовить унию Православной Церкви в Польше с Римом. По мысли энергичных членов ордена Иисуса, уния, сохраняя на некоторое время привычные для народа восточные богослужебные обряды и обычаи, должна была впоследствии стать средством постепенного приведения униатов к вере, обрядов и обычаям Римской Церкви — «учительницы всех Церквей».

Уния в Речи Посполитой была желательна для Рима и как восполнение урона, причиненного ему Реформацией, и прежде всего потому, что Рим и его первосвященник, а также латинское духовенство в Польско-литовской державе издавна лелеяли мечту о подчинении всей Восточной Православной Церкви Римскому престолу. Иезуит Антоний Поссевин выражал общее мнение католического руководства, когда говорил, что, только обратив Западную Русь, можно достичь единения с Римом и Руси Московской.

Идея унии Православной Церкви с Римом находила горячую поддержку польского королевско-магнатского правительства. Будучи вернейшим средством ассимиляции, ополчания православного населения Речи Посполитой, она должна была укрепить политическую основу Люблинской унии. Поскольку Флорентийская уния здесь не имела никакого успеха, стало необходимым провести новое «согласие церковное», в соответствии с которым украинское и белорусское население, подчиненное «апостольской столице», стало бы чуждым Православной Руси, было бы отторгнуто от нее навсегда, постепенно ополчено и окатоличено.

Исполнителей своих замыслов относительно церковной унии король Сигизмунд III Ваза (1587–1632), «воспитанный иезуитами, всем существом своим преданный иезуитскому ордену, сам бывший членом этого ордена»¹², а также иезуиты и правительство Речи Посполитой нашли среди иерархов Православной Церкви. Уже в течение целого столетия, не считаясь с церковными канонами, злоупотребляя правом патроната и «подавания хлебов духовных», т. е. назначение кандидатов на архиерейские кафедры, игуменов монастырей и даже священников приходских храмов в королевских имениях, польские правители раздавали церковные награды и даже продавали высокие церковные должности. Вследствие этого чрезвычайно снижался духовный уровень иерархии, уже не имевшей никакой связи с православным церковным народом. «Такой порядок, вернее беспорядок, в распределении архиерейских кафедр и в управлении монастырями и церквами продолжался в Литовской православной митрополии долгое время и имел самые гибельные для нее последствия»¹³.

¹² Жукович П. Борьба против унии на современных ей литовско-польских сеймах (1595–1600 гг.). — «Христианское Чтение», 1896, т. 202, с. 523.

¹³ Митрополит Московский Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Т. 9. СПб., 1879, с. 13.

Печальное состояние Православной Церкви иллюстрирует послание галичско-подольских мирян митрополиту Онисифору (Девочке) в 1583 году: «Во время пастырского правления Вашей милости Церковь испытала много зла. Против Церкви употреблялось насилие, верным отказывали в Святом Причастии, храмы закрывались и запечатывались, а священникам запрещали служить в них. Мирянам запрещали доступ в Божий храм, их оттуда изгоняли, колокола забирали в замок. Но, к сожалению, это еще не все... Святой вере на унижение, а нам на тяжкое горе наши церкви превращаются в иезуитские, а добро Русской Церкви передается латинским церквам»¹⁴.

Неудивительно поэтому, что Патриарх Константинопольский Иеремия, возвращаясь в 1589 году из Москвы после поставления Патриарха Иова, низложил двоеженца митрополита Онисифора и, заботясь о благе Православной Церкви в Речи Посполитой, доверил церковным братствам в Литве и на Украине особую заботу о благоустройении церковной жизни. После осуждения митрополита Онисифора король Сигизмунд, очевидно по просьбе своих духовных советников, немедленно дал грамоту на митрополию архимандриту Минского Вознесенского монастыря Михаилу (Рогозе). В годы его пребывания на митрополичьей кафедре проходила подготовка и состоялось провозглашение так называемой Брестской церковной унии с Римом.

Идея церковного единения волновала тогда многих, в том числе и князя Константина, в крещении Василия, Острожского. В июне 1593 года он послал новохиротонисанному епископу Владимирскому и Брестскому Ипатию (Поцею) свой проект восстановления единства Восточной и Западной Церквей и просил вынести его на обсуждение очередного ежегодного областного собора епископов. Настаивая на сохранении всех обрядов Восточной Церкви, защитник Православия в Польше прежде всего требовал, чтобы единение Церквей проводилось при участии в переговорах восточных Патриархов, а также Русской и Молдавской Церквей, чтобы после соединения католики не обращали православных в латинство, не отбирали у них храмы, духовные лица и пастыри наши имели место в сенате и на сеймах. Ни письма Константина Острожского о возобновлении единства Восточной и Римской Церквей, ни его условий унии Апатий (Поцей) на соборе епископов в Бресте не огласил¹⁵.

У него и его сторонников было свое понимание унии. В заявлении и «артикулах» о своем согласии признать власть римского папы, учение и обычаи Римской Церкви епископы свое решение объясняют не убежденностью в истине и спасительности догматов Католической Церкви, не идейно-религиозными мотивами, а своим недовольством распоряжениями Патриархов, сложным положением Церкви на Востоке. Особенно же подчеркивается озабоченность тем, чтобы за епископами были оставлены их кафедры и принадлежавшие им села и поместья, чтобы митрополиту и епископам даны были места в сенате и сейме Речи Посполитой и вообще, чтобы они были уравнены в правах с католическими епископами.

Уходя под власть Рима и стараясь приобрести расположение короля и правительства, епископы этим, казалось бы, избегали глубокого недовольства православного духовенства, братств, православного дворянства и всего народа, скрывались от угрозы патриаршего или соборного суда за жизнь и действия, недостойные архиереев. Приходится поэтому согласиться, что причинами перехода епископов Православной Церкви в Речи Посполитой конца XVI века в унию были «шаткость веры, порочность жизни, страх суда, неудовольствие против Патриарха, честолюбие и жажда выгод»¹⁶.

Подготовка Православной Церкви в Польше к унии с Римом велась в обстановке секретности, соблюдаемой как епископами, так и правительством. Уже 24 июня 1590 года четыре епископа — Луцкий, Львовский, Пинский и Холмский — подписали

¹⁴ Малышевский И. Западная Русь в борьбе за веру и народность. СПб, 1879, с. 75.

¹⁵ Митрополит Макарий Цит. соч., с. 539, 540.

¹⁶ Коялович М. Литовская церковная уния. Т. 1. СПб., 1859, с. 89.

и скрепили своими печатями грамоту о согласии принять унию. «Ее составление в Бресте обставлено было таким же секретом, как и предыдущее их совещание в Белзе. В этой первой грамоте на унию высказано только желание признать власть Папы, под условием, что он сохранит навеки нерушимыми «церемонии и все священнодействия Восточной Церкви, то есть службу Божию и весь церковный порядок. Кроме того, подписавшие грамоту епископы выговаривали себе то, чтобы король своими грамотами обеспечил им вольности их и утвердил артикулы, которые они ему представляют»¹⁷. Передать эту грамоту королю было поручено епископу Луцкому Кириллу (Терлецкому), который был близок латинскому епископу Луцкому Бернарду (Мацеевскому).

В дальнейшем вопрос об унии обсуждался не на очередных соборах епископов, на которых присутствовали клир и миряне а на тайных, «покутных (т. е. «по углам») соборах». В послании виленского духовенства воеводе новогрудскому Феодору Скумину-Тышкевичу названы четыре «покутных собора»: Сокальский, Красновоставский, Кобринский и Брестский, состоявшиеся в 1594–1595 годах¹⁸.

На первую секретную грамоту 1590 года об унии Сигизмунд III тайно ответил 18 мая 1592 года также одобрением и согласием. Он обещал сторонникам унии защиту и равные права с католическим духовенством.

2 декабря 1594 года в Сокале были разработаны десять условий принятия унии, так называемые «сокальские артикулы»; только три из них касались церковных вопросов. Относительно веры в них не говорилось ничего. Уполномоченный Сокальского съезда Кирилл (Терлецкий) и другие сторонники унии в 1595 году на совещаниях с представителями католического духовенства выработали «Соглашение духовенства латинского и русского, при посредстве Кирилла (Терлецкого), епископа Луцкого, с ведома его королевской милости и господ сенаторов». В этом Соглашении, по настоянию представителей католической иерархии, уполномоченный православных епископов должен был дать обещание представить спорные догматические вопросы на рассмотрение папе. «Видно было, что Луцкий владыка не особенно дорожил своею «верою»¹⁹. 1 июня 1595 года митрополит Михаил (Рогоза) и епископы Владимирский, Луцкий и Пинский с кобринским архимандритом Ионою (Гоголем) подписали подробные артикулы (условия) унии папе и королю, а 12 июня митрополит и епископы подписали послание папы, выразив этим согласие принять унию.

Только в июне 1595 года покровитель Православия в Польше, князь Константин Острожский, узнал от епископа Ипатия (Поцея) и митрополита Михаила (Рогозы) о завершении подготовки унии и о том, что вопрос об унии будет решаться на соборе. Уния, готовившаяся тайно от народа, встретил решительное осуждение еще до ее провозглашения. Константин Острожский в своем воззвании ко всем православным в Польше и Литве в конце июня 1595 года писал: «...В нынешние времена злочитными кознями лукавого диавола сами главные начальники нашей истинной веры, прельстившись славой мира сего и помрачившись тьмою сластолюбия, наши мнимые пастыри, митрополит с епископами ... тайно согласились между собою, окаянные ... отторгнуть благочестивых христиан здешней области без их ведома и вринуть с собою в погибель, как и самые сокровенные писания их объявляют. Узнав достоверно о таких отступниках и явных предателях Церкви Христовой, извещаю о них всех вас, как возлюбленную о Христе братию, и хочу вместе с вами стоять заодно против врагов нашего спасения, чтобы с Божиею помощью и вашим ревностным старанием они сами впади в те сети,

¹⁷ Жукович П. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.). СПб., 1901, с. 95, 96.

¹⁸ Митрополит Макарий. Цит. соч. Т. 9, с. 610.

¹⁹ Жукович П. Сеймовая борьба... с. 126.

которые скрытно на нас готовили ... Какая нам может быть от них польза? Вместо того, чтобы быть светом миру, они сделались тьмою и соблазном для всех»²⁰.

Вслед за Константином Острожским епископ Львовский Гедеон примирился с Успенским братством и 1 июля 1595 года записал в городские книги свой официальный протест против унии: «Постановление о ней составлено вопреки правилам и обычаям нашей православной веры, нашим правам и вольностям, без ведома и позволения Патриархов, наших духовных начальников, без совещаний духовного собора, а также без воли светских сословий, как знатных старожитных сословий, так и простых людей православной веры, без согласия которых мы ничего делать не желаем»²¹. Примеру епископа Гедеона последовал и епископ Перемышльский Михаил (Копыстенский), закончивший свое заявление требованием передать вопрос об унии на рассмотрение собора с участием всего духовенства, дворянства и братств.

О созыве собора просили короля Константин Острожский, а потом Ипатий (Поцей). Однако Сигизмунд III, опасаясь, что православные разрушат унию, не соглашался на созыв собора. 14 сентября 1595 года король уведомил своих подданных о соединении православных в Речи Посполитой с Римской Церковью универсалом и через два дня отправил епископов Ипатия (Поцея) и Кирилла (Терлецкого) в Рим.

В то же время Сигизмунд III направил папе “*postulatum*” о разрешении созвать в Польше съезд русских униатов и православных, которых католики называли схизматиками, для «посрамления» и привлечения последних к римской вере. Король привел также и политические соображения относительно унии. В частности, он выразил опасение в том, что через «схизматиков» могут переноситься к туркам правительственные тайны. Если часть Руси, подвластная Польше, соединится с Апостольским престолом, то это легко может привести к унии и великое княжество Московское, где миллионы христианских душ заражены «греческой схизмой», потому что у тех и других один богослужебный язык, да и разговорный язык обоих народов имеет небольшие различия²². Эти надежды инициаторы Брестской унии питали до последних дней сосуществования.

23 декабря 1595 года епископы Ипатий (Поцей) и Кирилл (Терлецкий) на аудиенции у папы Климента VIII в присутствии кардиналов, облобызав туфлю на ноге папы, на коленях подали ему прошение епископов Православной Церкви в Речи Посполитой принять их в единение с Римской Церковью. Оба епископа прочитали и подписали Символ веры (с «Филиокве»), признали догмат о верховной власти папы в Церкви, постановления западных Соборов, включая Флорентийский и Тридентский, чем нарушили данные им полномочия, приняв полностью католическую веру. Папской буллой обеспечивалось униатской Церкви сохранение восточных обрядов, «если эти обряды и церемонии не противны истине и учению католической веры и не препятствуют общению с Римской Церковью», право священников на брак, разрешение митрополитам Киевским поставлять епископов своей области. В память заключения унии была выбита медаль. На ней с одной стороны был изображен портрет папы, а на другой — папа на троне, благословляющий стоящего на коленях униатского посла, и сделана надпись: “*Ruthenis receptis*”, а внизу дата — 1596.

Письмами от 7 февраля 1596 года папа уведомлял короля Сигизмунда III о заключении унии, просил его и латинских иерархов помогать унии, а митрополиту Михаилу (Рогозе) приказал созвать собор епископов своей области для такого же исповедания веры, какое продемонстрировали в Риме Ипатий (Поцей) и Кирилл (Терлецкий). Православные воспользовались разрешением короля и приглашением митрополита на собор для того, чтобы он стал собором и Православной Церкви.

²⁰ Митрополит Макарий. Цит. соч. Т. 9, с. 584, 585.

²¹ Мальшевский И. Западная Русь в борьбе за веру и народность. СПб., 1892, с. 197.

²² Жукович П. Сеймовая борьба... с. 168–171,

Прибывшие на собор 1596 года в Бресте сразу же разделились на два собора. Члены мало представительного униатского синода (собора) не допускали и мысли о возможности проведения общего единого собора с многочисленными участниками, защитниками Православия, убежденными противниками унии. Униатский синод, состоявший из митрополита, пяти епископов и трех архимандритов, под руководством трех католических епископов — папских легатов и трех королевских послов, выполнил волю папы: участники синода «учинили исповедание святой (т. е. римско-католической) веры и отдали послушество» папе Клименту VIII и его преемникам»²³. Акт об этом с подписями и печатями был вручен папским послам, а 8 октября 1596 года об этом была издана соборная грамота. Участников Православного Собора — епископов Львовского и Перемышльского и других духовных лиц на униатском соборе предали анафеме и лишили сана, мирянам, которые будут с ними в общении, также угрожали проклятием.

От какой Церкви униаты и католики хотели отлучить православных? Ни к униатской, ни к Римской Церкви православные не принадлежали, а отлучать их от Православной Церкви за то, что они остались ей верными, было нелепо. Так начиналась Брестская уния.

Состав Православного Брестского Собора свидетельствовал о том, насколько дороги православному духовенству и народу их вера и Церковь. В состав «духовного кола» (части) или собственно церковного собора вошли протосингел Патриарха Константинопольского архидиакон Никифор и протосингел Патриарха Александрийского Кирилл Лукарис, митрополит Белградский Лука, епископ Львовский и Галицкий Геден (Балабан), епископ Перемышльский и Самборский Михаил (Копыстенский), афонские архимандриты — Макарий (по поручению епископа Венацкого Паисия), Матфей (от епископа Мукачевского Пантелеймона), девять местных архимандритов, один игумен, 16 протопопов (протоиереев) и заместителей, более 200 пресвитеров. Во главе светского, совещательного «кола мирян» — участников величественного церковно-народного Собора — были воевода Киевский, сенатор князь Константин Острожский с сыном Александром, воеводой Волынским, и сенатор Новогрудский Александр Полубенский с депутатами от шляхты воеводств — Киевского, Волынского, Брацлавского, Русского (Галицкого), от Перемышльской земли и Пинского повета. Все они прибыли с письменными наказами от своих доверителей. С инструкциями на Собор прибыли также послы (представители) — мещане от городов Вильны, Львова, Пинска, Бельска, Бреста, Подгаеца, Галича, Киева, Скалы, Брацлава, Каменца-Подольского, Владимира, Минска, Слуцка, Луцка и других. Виленское братство прислало 8 послов, Львовское — 3²⁴.

После отказа митрополита Михаила (Рогозы) на трехкратное приглашение прибыть с епископами на великий Православный Собор, 8 октября (третий день работы Собора) были оглашены указы, данные участниками Собора дворянами, мещанами и братствами. Содержание их сводилось к трем требованиям: лишить епископов отступников архиерейских кафедр, не допустить заключения унии с Римом на частном соборе без ведома Патриархов и участия всей Восточной Церкви, и требовать, чтобы Православная Церковь пользовалась правами, утвержденными королевской присягой; держаться старого (т. е. юлианского) календаря.

Православный Собор осудил провозглашение митрополитом и епископами унии с Римом — единодушно отверг принятую вероотступниками унию и лишил их всех духовного сана. Это постановление Собора было подписано всеми духовными членами Собора и послано митрополиту и епископам. Послы, которым поручалось подать решение Собора королю, должны были просить его лишить епископов-отступников ка-

²³ Там же, с. 220.

²⁴ Митрополит Макарий. Цит. соч., с. 664; Жукович П. Сеймовая борьба... с. 228.

федр и назначить для православных иных владык, которые были бы «именно нашей, греческой» веры²⁵.

Тогда же все участники Православного Собора, духовенство и миряне, приняли совместное торжественное заявление: «Мы даем обет веры, совести и чести, за себя и своих потомков, не слушать этих осужденных соборным приговором митрополита и владык, не повиноваться им, не допускать их власти над нами, а, напротив, сколько возможно, противиться их определениям, действия и распоряжениям и стоять твердо в нашей святой вере и при истинных пастырях нашей Святой Церкви, особенно при наших Патриархах, не оставляя старого календаря, тщательно сохраняя огражденное законами общее спокойствие и сопротивляясь всем притеснениям, насилиям и новизнам, которые бы стали препятствовать целости и свободе нашего богослужения, совершаемого по древнему обычаю. Объявляем об этом торжественно, прежде всего пред Господом Богом, потом — и всему свету, и, в особенности, всем гражданам короны, Великого княжества Литовского и областей, к короне принадлежащих»²⁶.

Постановление двух соборов, одновременно состоявшихся в Бресте 6–10 октября 1596 года, были представлены королю Сигизмунду III. Как и предвидели защитники Православной Церкви, утверждение получили решения униатского собора. Тем самым Православие в Речи Посполитой фактически оказалось вне закона. Все права, издавна принадлежавшие Православной Церкви, передавались отступникам; для православных клира и мирян в королевско-магнатской Польше настало время исповедничества, тяжелого общественного и национально-религиозного угнетения.

Народ церковный нигде не принимал унию, отвергал ее и боролся с ней. Поэтому распространение всех уний, в том числе и Брестской, сопровождалось грубым насилием и жестокостью. «Что же такое была появившаяся в Литве церковная уния? Это был, — отвечает авторитетнейший историк нашей Церкви митрополит Макарий (Булгаков), — насильственный и самый горький плод тех горьких условий, среди которых протекала жизнь Западнорусской митрополии со времени отделения ее от Московской»²⁷. Брестская уния была грубейшим насилием над религиозной свободой украинского и белорусского православного населения Речи Посполитой, санкционированным польской королевской властью в союзе с Римом. В борьбе с этим насилием над совестью православного народа принимают участие все сословия, от вельмож до крепостных крестьян.

«В наши дни, — справедливо отметил в своей речи на Поместном Соборе русской Православной Церкви 1971 года Высокопреосвященный митрополит Киевский и Галицкий Филарет, — едва ли найдется образованный человек, знакомый с историей нашей страны, который не понимал бы действительной цели унии. Вместо церковного единства уния несла с собой разъединение, вражду и ненависть. Она унижала церковное и национальное сознание униатов и была инструментом угнетения нашего народа. Уния была насилием над совестью православных христиан и служила не единству веры, а единству внешней организации»²⁸.

Будучи изобретением Рима и магнатской Польши, уния не могла стать национальной по характеру. Руководство унии воспитывало духовенство и свою паству в религиозной отчужденности от православных украинцев, как схизматиков, и впоследствии тесно связало себя с украинским национализмом. «Уния вызвала кровавый вечный раз-

²⁵ Митрополит Макарий. Цит. соч., с. 672.

²⁶ Там же, с. 272, 273.

²⁷ Там же, с. 689.

²⁸ Виступ митрополита Київського і Галицького Філарета на Помісному Соборі Руської Православної Церкви. — «Православний вісник», 1971, № 12, с. 2.

дор в нашем народе, уния стала самым значительным средством уничтожения нашего народа», — так охарактеризовал ее протопресвитер Гавриил Костельник²⁹.

«Уния была делом епископов, действовавших в отрыве от церковного народа, без его свободного и соборного согласия и совета... Вместе с тем, эти униатские епископы свое подчинение римской власти и юрисдикции считали «соединением Церквей», а противление народа рассматривали как каноническое своеволие и мятеж... Православные, напротив, видели в этом непослушании и в этой неизбежной антииерархической борьбе только исполнение своего христианского долга, долга верности и веры. Борьба против унии и была прежде всего проявлением соборного самосознания церковного народа»³⁰.

Эту борьбу, начатую Православным Собором 1596 года в Бресте, продолжал весь церковный народ. Православные вельможи и шляхта, иерархи и клирики, церковные братства, мещане в городах, крестьяне в селах, бесправные и закрепощенные, но преданные православной вере — весь украинский народ встал на борьбу против унии. В соответствии с условиями времени, вдохновляемые зовом «за веру, против унии», вспыхивали крестьянско-казацкие восстания в конце XVI — в 20–30-х годах XVII века против социального и национально-религиозного угнетения.

Первой жертвой унии, в угоду украинской иерархии, стал руководитель Православного Брестского Собора архидиакон Никифор — он был заточен в крепость Мальброк, где и умер³¹. В королевских и помещичьих селах их владельцы, католики и униаты, передавали православные храмы униатам, священников заставляли принимать унию или изгоняли с приходов. Особой настойчивостью и жестокостью в насильственном распространении унии отличались вершители ее — епископ Владимирский и Брестский Ипатий (Почей), в 1599 году ставший митрополитом, а также епископ Луцкий Кирилл (Терлецкий).

На сейме 1620 года волынский посол Лаврентий Древинский в присутствии короля Сигизмунда так говорил о положении Православной Церкви в результате униатских насилий: «Уже в больших городах церкви запечатаны, в монастырях нет монахов — там скот запирают; дети без крещения умирают, тела умерших без церковного обряда из городов, как падаль, вывозят; мужья с женами живут без брачного благословения, народ умирает без исповеди, без причастия. Неужели это не Самому Богу обида и неужели Бог не будет за это Мстителем? Не говоря о других городах, скажу, что во Львове делается: кто не униат, тот в городе жить, торговать и в ремесленные цехи принят быть не может; мертвое тело погребать, к больному с Тайнами Христовыми открыто идти нельзя. В Вильне, когда хотят похоронить тело благочестивого (православного) русского, должны вывозить его в те ворота, в которые одну нечистоту городскую вывозят. Монахов православных ловят на вольной дороге, бьют и в тюрьмы сажают. В чины гражданские людей достойных и ученых не производят потому только, что не униаты; простаками и невеждами, из которых иной не знает, что такое правосудие, места наполняют в поношение стране Русской... Уже двадцать лет на каждом сеймике, на каждом сейме горькими слезами молим, но вымолить не можем, чтобы оставили нас при правах и вольностях наших. Если и теперь желание наше не исполнится, то будем принуждены с пророком возопить: «Суди ми, Боже, и рассуди прю мою!»³².

Восстановление православной иерархии патриархом Иерусалимским Феофаном в 1620–1621 годах имело весьма важное значение для Православной Церкви. С кончиной епископа Львовского Гедеоны в 1607 году и епископа Перемышльского Михаила в

²⁹ Доповідь про мотиви возз'єднання Греко-Католицької Церкви з Руською Православною Церквою. Діяння Собору Греко-Католицької Церкви 8–10 березня 1946 р. у Львові. Львів, 1946, с. 68.

³⁰ Флоровский Георгий, протоиерей. Пути русского богословия Париж, 1937, с. 38.

³¹ Митрополит Макарий. Цит. соч. Т. 10. СПб., 1881, с. 250.

³² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. М., 1961, с. 429, 430.

1610 году Православная Церковь осталась с единственным архиереем — епископом Львовским Иеремией (Тисаровским). После его смерти правительство Сигизмунда III немедленно объявило бы Православную Церковь лишенной епископа и — несуществующей. Вот почему, когда патриарх Феофан поставил в Киеве епископов, православные оценили его как великий дар Провидения Божия, спасительный дар Святого Духа.

Папский нунций в Польше Иоанн Торрес писал в Рим: «Бесстыдство этого дерзкого человека, который задержал успех унии и поколебал даже многих принявших ее, тяжело поразило короля и народ. Он думал наказать его (патриарха Феофана. — Ред). примерно, но ему, однако, все прошло безнаказанно, потому что не смели его держать из опасения казаков, неукротимая запальчивость которых в делах, касающихся веры, всем известна»³³.

Правительство не признало постановление православных епископов без «подавания», т. е. назначения королевского, и распорядилось их арестовать. Однако митрополит Иов (Борецкий) находился в Киеве под защитой казачества и управлял Православной Церковью.

Правительство Речи Посполитой только в 1632 году, после смерти Сигизмунда III, фанатического покровителя унии, нуждаясь в помощи казаков, в «Статьях успокоения граждан Короны и Великого княжества Литовского, народа греческой религии», признало за православными права на Киевскую митрополию и четыре епархии: Львовскую, Луцкую, Перемышльскую и Мстиславскую. На избирательном сейме в ноябре 1632 года православные послы избрали киево-печерского архимандрита Петра (Могилу) митрополитом, тогда же король Владислав IV дал утвердительные грамоты православным братствам: Виленскому, Львовскому, Люблинскому, Минскому и другим.

В это время уже видно было, что Брестская церковная уния политически укрепила на Украине польскую шляхту, усилила процесс денационализации части украинской шляхты, которая, обучаясь в иезуитских школах и коллегиях, переходила в латинство, облегчая себе этим доступ к занятию выгодных должностей. Да и сыновья самого вдохновителя и усерднейшего проводника унии на Украине и в Литве — Ипатия (Поцея), пользуясь расположением папы Климента VIII к их отцу, получили воспитание в латинских школах и стали католиками, а не униатами. Этим и папа, и митрополит Ипатий (Поцей) убедительно показали, как понималось в Брестской унии единение Православной и Римской Церквей, о чем настойчиво твердили инициаторы и покровители унии³⁴.

Отвергнутая православным народом, унижаемая польскими магнатами, шляхтой и латинской иерархией, уния вводилась и поддерживалась только насилием католических властей, а также польских и ополяченных украинских помещиков, униатских епископов и духовенства. Поэтому крестьянско-казацкие восстания против социального и национально-религиозного угнетения, против униатских попыток уничтожить Православную Церковь проходили под лозунгом борьбы за казацкие вольности и защиту Православной веры. Когда казаки, находившиеся в Пруссии под Мальборком, узнали, что существует замысел «привести всех их из греческой веры в унию», то они заявили: «Все мы, сколько нас ни есть в польском войске в Пруссиях, для защиты нашей святой веры готовы пролить нашу кровь...»³⁵. Униатские планы короля не осуществились: сбор, подготовленный для решения этого вопроса, не состоялся, дело Православия было спасено благодаря вмешательству казаков и протесту киевских мирян.

Борьба против унии, против невыносимого угнетения «черни» — простого народа в городах и селах, испытывавшего гонения за свою веру, не прекращались. Безрезультат-

³³ Relacye Nuncynszów Apostolskich i inych osob w Polsce. BerlinPoznan, 1969, с. 153.

³⁴ Митрополит Макарий. Цит. соч. Т. 10. с. 496.

³⁵ Орловский П. И., протоиерей. Киевский Церковный Собор 1629 года. — «Труды Киевской Духовной Академии», 1905, август, с. 651 и др.

ные восстания 1637–1638 годов укрепили в широких народных массах на Украине сознание необходимости объединения с братским русским, единоверным и единокровным народом, убедили в том, что он может оказать помощь в борьбе против униатского насилия и бесчеловечного социального гнета. Это имело большое значение для подготовки и успешного развития освободительной войны 1648–1654 годов и для воссоединения Украины с Россией.

В разосланных 28 мая 1648 года воззваниях гетмана Богдана Хмельницкого также прозвучал призыв к тем, кому «мила вера благочестивая, поляками в унию обращенная», бороться против унии, собираться вокруг народного вождя «на добрых конях, с исправным оружием неотложно и встать мужественно и безбоязненно, при всемогущей помощи Божией, против своих грабителей, злобитслей и супостатов»³⁶. Обращаясь в 1653 году от имени казаков к царю Алексею Михайловичу, Богдан Хмельницкий пишет: «Причиной, побудившей казаков подняться войной на ляхов, было не то, что ляхи несправедливо отнимали у них села и дома, не то, что лишали их земного отечества, не то, что отягощали их работами, подобно немилостивым фараонам (все это еще могли бы стерпеть казаки), а то, что ляхи, принуждая казаков отступать от благочестивых догматов и присоединяться к неверному учению, злым юродством разрушали села и дома нетленных душ»³⁷.

Уния для Богдана Хмельницкого, хорошо понимавшего ее конечную цель, видевшего способы ее распространения, разделявшего нетерпимое отношение к унии украинского народа, была гнусной изменой вере, предательством народа, его свободы и святыни ради покоя и выгод вероотступников. Еще до коронационного сейма Богдан Хмельницкий писал 20 ноября 1648 года Яну Казимиру: «Чтобы наша вера греческая в целостности пребывала, как раньше, чтобы имени унии не было, только римский и греческий закон, так как соединилась Русь с Польшей, а их милость ксендзы владыки, если желают остаться при римском законе, пускай здоровые остаются, отдав Руси соборные греческие церкви и стародавние пожертвования; иезуитов и школ иезуитских в Киеве чтобы не было»³⁸. И в переговорах с королевскими послами Богдан Хмельницкий на первое место выдвинул требования, «чтоб имени, памяти и следа унии не было, чтобы митрополит Киевский после примаса Польского место имел в сенате»³⁹.

Итак, Брестская церковная уния вовсе не была соединением Церквей, как твердили отступившие от Православия епископы. Она была присоединением к Римской Церкви только епископов, без духовенства и церковного народа, только иерархов, создавших свою, униатскую Церковь путем жестокого насилия над духовенством и верующим народом, покупавших господство над ними в униатской Церкви прислужничеством иноземным поработителям Украины и Белоруссии. После воссоединения Украины с Россией в 1654 году уния прекращала свое существование повсюду, где не было королевско-магнатской власти Речи Посполитой.

По Андрусовскому договору 1667 года Правобережная Украина, кроме Киева, перешла под власть шляхетской Польши, которая обязалась не притеснять «греко-русскую религию». Только в Галиции, на Волыни и Подолии польская власть была относительно прочной, однако в Перемышльской и Львовской епархиях унии не было до конца XVII века. Назначение на обширную Перемышльскую епархию Иннокентий (Винницкий) получил за твердое обещание привести ее к унии. На Львовской епархии, после упорной борьбы, в 1668 году утвердился ротмистр Иосиф (Шумлянский). Тайно

³⁶ Беднов В. Православная Церковь в Польше и Литве по Сборникам законов. Екатеринослав, 1908, с. 298, 299.

³⁷ Архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский). История Русской Церкви. Период четвертый. М., 1888, с. 121, 122.

³⁸ Крипьякевич И. П. Богдан Хмельницкий. Київ, 1954, с. 159.

³⁹ Соловьев С. М. Цит. соч., с. 547.

бывший униатом с 1681 года он только в 1700 году стал открыто содействовать распространению унии в Львовской епархии и постарался к этому времени подобрать среди духовенства нужных ему людей. Еще в 1077 году единомышленником Иосифа (Шумлянського) и Иннокентия (Винницкого) в вопросах унии был игумен Уневского монастыря Варлаам (Шептицкий): за переход в унию он желал быть коадьютором (преемником) Холмской епархии. Ему суждено было стать епископом Львовским, Галицким и Каменец-Подольским после кончины Иосифа (Шумлянського). Униатом стал и епископ Луцкий Дионисий (Жабокрицкий).

По условиям Прутского мира с Турцией в 1711 году правительство России обязалось не вмешиваться в дела Правобережной Украины. Петр I своим указом призвал казаков и крестьян Правобережья переселяться на левый берег Днепра. Крестьяне и казаки тысячами перешли тогда на Левобережную Украину, где им отводились земли для поселений. На правобережье снова возвратились магнаты: Потоцкие, Браницкие, Чарторыйские, Любомирские и другие. В стране господствовала власть этих «королевят», они здесь чинили над всеми свой суд и расправу».

Православное украинское население изнемогало под социальным, национальным и религиозным гнетом. Униатский собор в Замостье в 1720 году отменил многие православные обряды, узаконил латинские нововведения, принял решение об издании богослужебных книг, исправленных в униатском духе. В дальнейшем появляется распоряжение униатским священникам перенять внешние приметы латинских ксендзов. За неисполнение всех этих требований некоторые подвергались даже телесным наказаниям⁴⁰. Тяжелые социальные страдания и национально-религиозный гнет вызывали частые восстания украинского народа в Речи Посполитой в XVIII веке.

На единственную в Речи Посполитой православную кафедру в Могилеве-на-Днепре в 1755 году прибыл из Киева епископ Георгий (Конисский). Епископа и его помощников здесь ожидали большие трудности и опасности, связанные с заботами о собирании православной паствы. «Но христианское величие духа дало средства этому необыкновенному иерарху вынести все трудности и стать во главе всего движения к воссоединению от самого начала и до самого полного его развития»⁴¹. Через два года в Переяслав был поставлен викарием Киевского митрополита епископ Гervasий (Линцевский), принявший на себя попечение о судьбах Православия на Правобережной Украине. Вместе со своим помощником игуменом Мотренинского монастыря Мелхиседеком епископ Гervasий в августе 1768 года назначил в разные места Правобережной Украины «духовных правителей» и поручил им заведование церковными делами. Несмотря на то, что многие из них были из униатов и даже униатскими священниками, они сохранили в душе преданность Православию. Некоторые из них отдали жизнь за свое ревностное служение. Правитель Белоцерковского округа Василий Зражевский в начале октября сообщал епископу Гervasию, что весь народ там называет себя православным, и представил 12 постановлений сельских обществ твердо хранить православную веру отцов. Такие же доклады поступали и от других духовных правителей⁴². Двадцать три деканата (благочиния, — Ред.), т. е. тысяча приходов, вернулись к Православию.

После первого раздела Польши в 1772 году униаты, как бы чувствуя приближение конца унии на Правобережной Украине, особенно бесчинствовали. Мучеником за Православие окончил в 1767 году свой пастырский подвиг правитель Кирилл Зельницкий. Однако и тогда в условиях насилия ополченной шляхты и униатов, полного бесправия православного народа, продолжали действовать мужественные священнослужители, исповедники благочестивой веры, подготовлявшие грядущее воссоединение униатов. В большинстве своем сыновья униатских священников, воспитанные католическими и

⁴⁰ Коялович М. История воссоединения западнорусских униатов старых времен. СПб., 1873, с. 7, 8.

⁴¹ Коялович М. Цит. соч., с. 11.

⁴² Там же, с. 105, 106.

униатских коллегий и семинарий, а впоследствии настоятели приходов и деканы, сохранив, благодаря родителям, память о Православной вере предков, возвращались к ней сами и приводили к Православию своих прихожан. Они мужественно терпели издевательства, насилие и преследования. Положение существенно изменилось лишь в 1792 году, когда после трехлетнего тюремного заключения был освобожден епископ Виктор (Садковский), избравший местом своего пребывания г. Винницу⁴³.

Несмотря на все препятствия, ограничения и явный обман (например, униатский митрополит Филипп (Володкович) говорил, что Екатерина II запрещает принимать униатов в Православие), епископ Могилевский Георгий (Конисский) продолжал умножать число своей паствы через воссоединение насильно обращенных в унию православных белоруссов. Они, как докладывал ревностный пастырь Святейшему Синоду, во множестве приходили к нему с прошениями, о воссоединении, а те, кто боялся своих помещиков, спрашивали через других, как им поступить⁴⁴.

После второго раздела Польши в 1793 году и третьего — в 1795 году к России были присоединены Правобережная Украина, Западная Волынь и вся Белоруссия. В ответ на воззвание епископа Виктора (Садковского), назначенного архиепископом Минским, Изяславским и Брацлавским, началось массовое воссоединение с Православной Церковью народа, который хранил в своей душе завещанную благочестивыми предками любовь к Православной вере, ее богослужению и обычаям. В помощь архиепископу Виктору, по его просьбе, был поставлен викарный епископ Житомирский, а правящим епископом Брацлавским был назначен бывший архимандрит московского Донского монастыря Иоанникий, родом из Киева, получивший образование в Киевской Академии. В январе 1796 года он сообщал Святейшему Синоду, что «за помощью Божиею по Брацлавской губернии церкви все числом 1090 истекшего 1795 года декабря в последних числах к Православию присоединением окончены»⁴⁵, то есть вновь вернулись в Православие более полумиллиона униатов.

В годы правления императоров Павла и Александра I воссоединение западнорусских униатов с Православной Церковью было несколько задержано. Этим воспользовались католическое духовенство и польские помещики для обращения униатов в латинство. В это же время в униатстве зародилось стремление возродить и сохранить восточные обряды и церковнославянский язык в богослужении, выйти из-под власти католического духовенства, что наметило путь к будущему полному воссоединению униатов с Православием.

В конце этого периода униатская Церковь состояла из четырех епархий: Брестской, епископ которой Иосиф (Булгак) с 1817 года был униатским митрополитом, Виленской, Полоцкой и Луцкой. Управляла униатской Церковью по-прежнему Римско-Католическая коллегия, имевшая униатский департамент. Председатель его митрополит Иосиф (Булгак) был сторонником латинства, поэтому на общих собраниях департаментов под председательством католического митрополита, когда решались важнейшие дела, голоса униатских членов коллегии не имели значения.

Членом униатского департамента был протоиерей Иосиф Семашко, ставший одним из ведущих деятелей воссоединения западнорусских униатов в 1839 году.

Родился он 25 декабря 1798 года в с. Павловке на Киевщине в семье униатского священника, посещавшего православный храм в том же селе. Учился в Немировской гимназии, окончил со званием магистра богословия главную униатскую семинарию при Виленском университете. Епископ Луцкий Иаков (Мартусевич), ревностный сторонник латинства, охотно принял Иосифа Семашко и в 1820 году рукоположил его во диакона,

⁴³ Васиновский Е. Деятели воссоединения подольских униатов конца прошлого века. Каменец-Подольск, 1896.

⁴⁴ Коялович М. Цит. соч., с. 208–214.

⁴⁵ Там же, с. 371, 372.

в конце 1821 года — во пресвитера, назначил кафедральным проповедником, членом консистории и профессором богословия в епархиальной Духовной Семинарии. В следующем году Иосиф Семашко был возведен в сан протоиерея и назначен от Луцкой епархии членом Римско-Католической коллегии по униатскому департаменту: в 1823 году он получил звание каноника, в 1825 году — прелата.

Глубокое убеждение в истине Православия Восточной Церкви, несамостоятельности унии и неизбежности сближения ее или с Православием, или с латинством, любовь к Русской Отчизне привели его к непреклонному желанию служить делу воссоединения униатов с Православной Церковью.

Председатель униатского департамента митрополит Иосиф (Булгак) и члены департамента передали молодому, образованному и трудолюбивому Иосифу Семашко все дела. В связи с этим по его записке о состоянии и нуждах униатской Церкви, поданной директору департамента иностранных исповеданий Г. И. Карташевскому, была учреждена 22 апреля 1828 года греко-униатская коллегия под председательством униатского митрополита в составе одного епископа и архимандрита (по назначению правительства) и четырех протоиереев (по избранию местных епископов и консисторий)⁴⁶. В том же году была основана греко-униатская духовная семинария в Жировицах, Белорусская же семинария была основана ранее митрополитом Ираклием (Лисовским). Семинариям подчинялось несколько уездных училищ.

В 1829 году Иосиф Семашко был хиротонисан во епископа Мстиславского, викария Полоцкого архиепископа Иакова (Мартусевича), а в 1833 году Преосвященный Иосиф (Семашко) стал правящим епископом Литовским и Брестским. Белорусскую — Полоцкую епархию получил митрополит Иосиф (Булгак). Летом и осенью того же года епископ Иосиф знакомился со своей епархией, управлял епархиальными делами, инспектировал Белорусскую и Литовскую Духовные семинарии. По возвращении из поездки епископ Иосиф подал начальству докладную записку о нецелесообразности частного воссоединения униатов, приобретающую важное значение в дальнейшем. По мысли Преосвященного Иосифа, воссоединение — длительный процесс, готовить его надо постепенно, устраняя из богослужения латинские обряды, убеждая сначала в необходимости воссоединения духовенство, а потом уже через него склонять прихожан к принятию Православия⁴⁷. В частности, по предложению Полоцкого архиерея, решено было сохранить на первых порах некоторые униатские обычаи в богослужении, заведенные из подражания католикам, принимая во внимание, что простой народ к ним расположен более, нежели к униатским отклонениям от Православной Церкви.

В начале 1834 года в состав униатской иерархии вошли единомышленники Преосвященного Иосифа, викарные епископы Литовской епархии: Иосафат (Жарский), базилианин, с титулом епископа Пинского, и ректор Виленской Семинарии Антоний (Зубко), епископ Брестский. Для Белорусской епархии был поставлен епископом Оршанским Василий (Лужинский). На совещании всех епископов, во главе с митрополитом, в феврале 1834 года было постановлено, для единообразия совершения богослужений в униатских храмах, снабдить всех священников обеих епархий православными служебниками и книгами молебных пений, напечатанными в Москве, установить в храмах иконостасы, а в алтарях престолы. Для проведения этих работ и приобретения церковной утвари и священных облачений коллегия оказывала помощь беднейшим приходам. Епископы приняли решение всемерно восстанавливать восточные богослужебные обряды и, по возможности, искоренять униатские обычаи. Решено было без удостоверения в точном знании и преданности этим определениям и обрядам никого из духовных

⁴⁶ Чистович И. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с Православной Церковью западнорусских униатов. СПб., 1889, с. 4, 5.

⁴⁷ Там же, с. 20.

лиц не назначать на приходы, а назначенных не утверждать⁴⁸. Выполняя постановления епископов, Преосвященный Иосиф заботился о том, чтобы подготовка будущих пастырей в Семинариях осуществлялась в духе любви к восточному Православию и Родине.

В начале 1838 года скончались почти одновременно, униатский митрополит Иосиф (Булгак) и его викарный епископ Иосафат (Жарский). Епископ Иосиф (Семашко) 2 марта был назначен председателем Греко-Униатской коллегии. Еще в декабре 1837 года он подал записку о необходимости воссоединения униатской Церкви с Русской Православной Церковью. В результате его деятельности Греко-Униатская коллегия перешла в подчинение Святейшему Синоду.

12 февраля 1839 года, в Неделю Православия, в Полоцке, епископ Литовский Иосиф, его викарий епископ Брестский Антоний (Зубко), епископ Оршанский Василий (Лужинский) и другие высшие представители униатского духовенства составили и подписали соборное постановление о воссоединении униатской Церкви с Православной. Святейший Синод на заседании 6 и 13 марта постановил: «Епископов, священство и духовную паству Греко-Униатской Церкви принять в общение с Православной и в нераздельный состав Церкви Всероссийской». Греко-Униатская коллегия была названа Белорусско-Литовской. Председателем ее стал Преосвященный епископ Литовский Иосиф, возведенный в сан архиепископа⁴⁹. 25 марта 1839 года это постановление было утверждено.

30 марта 1839 года, в Светлый четверг, торжественным благодарственным молебном в Синодальном храме, совершенным членами Синода с архиепископом Иосифом, было совершено воссоединение западнорусских униатов с Православной Церковью. В память этого выдающегося события была изготовлена медаль. На одной стороне ее изображен крест в ореоле сияния и сделана надпись: «Торжество Православия, 25 марта 1839», на другой — Нерукотворный образ Спасителя и слова сверху: «Такова имамы Первосвященника. Евр. 8, 1», внизу: «Отторгнутые насилем (1596) воссоединены любовью (1839)».

Таким был конец Брестской унии в Белоруссии, Литве, на Волыни и Подолии. Епископы-униаты в конце XVI века изолировали себя от православного духовенства и народа, а во второй четверти XIX века епископ Иосиф (Семашко) и его помощники призывали духовенство и народ к возвращению в Православную Церковь, освобожденную от польско-латинского пленения, к единению с великим братским русским народом.

После ликвидации унии в белорусско-литовских епархиях Брестская уния в пределах России оставалась только на Холмщине. Ее духовенство и верующий простой народ (крепостной до 1861 года), находясь в полной зависимости от польских помещиков, подвергались усиленному ополячиванию. Церковный обряд и сами храмы носили следы значительной латинизации: для этого и создавалась Брестская уния. Прибывшие на Холмщину из Галиции униатское духовенство начало постепенное очищение богослужебного обряда от сторонних добавлений и перемен, содействуя возвращению его к восточному церковному Уставу⁵⁰.

В 1875 году духовенство и верующий народ, греко-униаты Холмщины, воссоединились с Русской Православной Церковью. Первым православным епископом Холмской епархии был неутомимый труженик воссоединения холмских униатов Преосвященный Маркелл (Попель).

После этого Брестская уния оставалась только в Галиции, которая после первого раздела Польши в 1772 году отошла к Австро-Венгерской империи. Здесь, как внушалось униатам, был «корень унии» для всех ответвлений ее за границей.

⁴⁸ Там же, с. 23.

⁴⁹ Там же, с. 51, 52.

⁵⁰ Бендас Михаил, протоиерей. Псування східного церковного обряду та богослужбових книг за унії. — «Православний вісник», 1959, № 2, с. 52, 53.

Уния в Галиции распространилась в конце XVII — начале XVIII века в результате коварной деятельности скрытых униатов — епископа Перемышльского Иннокентия (Винницкого) и епископа Львовского Иосифа (Шумлянського). Добившись торжества унии в галичских епархиях, целое столетие после провозглашения унии в Бресте сохранявших благочестивую веру своих православных предков, в Риме стали забывать о том, что Папа Климент VIII 21 января 1596 года в своей конституции “*Ad perpetuam rei memoriam*” («К вечной памяти события») разрешил «все священные обряды и церемонии при совершении Божественных служб и Святейшей литургии, а также при совершении иных Таинств и других священнодействий, если только эти обряды и церемонии не противны истине и учению католической веры и не препятствуют общению с Римской Церковью, несмотря ни на какие другие противоположные постановления и распоряжения Апостольского престола»⁵¹.

Однако опекуны унии, добившись ее утверждения в Польше, показали, что Брестская уния создавалась для латинизации и ополячивания насильем и обманом вовлеченных в нее православных подданных Речи Посполитой. Униатский собор 1720 года в Замостье открыл широкие возможности для изменений богослужебного обряда в духе латинства, «исправлений» в католическом духе служебника, требника и всех других богослужебных книг. Воспитанный в Риме преемник Ипатия (Поцея) митрополит Иосиф (Вельямин-Рутский) обратил монашеские обители по католическому образцу в базилианский орден. Его наводнили польские монахи и привнесли с собой бесчисленные изменения, католические обычаи и полонизацию. Преданный прежней богослужебной практике униатский монах Петр (Каминский) жаловался: «Проскомидии совсем не совершают, входа с Евангелием не делают, говорят: это схизматические выдумки. Не бывает и переноса (великого входа)... Всенощной нет, этого богослужения они не знают... канон не читают: русским языком так гнушаются, что во всей унии не услышишь русской проповеди... Все говорят по-униатски... Руководители — почти все из римского обряда, они имеют преимущество: заводят новости, бубны, трубы, чтобы привлечь простой народ и склонить его к римскому богослужению»⁵².

Вслед за искажением церковного обряда и усилением польского влияния в униатском руководстве, Брестская уния способствовала и денационализации униатов. Даже среди священников были люди говорившие о себе: «По происхождению русин, по национальности поляк». Униаты прививали своему народу сознание религиозной неполноценности в сравнении с «настоящими» католиками: в Польше украинцев и белорусов ополячивали, в Венгрии украинцев и румын мадьяризировали.

Национальное возрождение украинского населения Галиции в середине XIX века под влиянием Маркиана Шашкевича и его сподвижников, а также события 1848 года содействовали движению за очищение богослужебного обряда от латинских добавлений. В ответ на это и на переход, при содействии священника Иоанна Наумовича, прихожан с. Гнилички в Православие, на Львовском синоде 1891 года были утверждены все униатские изменения в богослужении, в церковных обычаях, сделана попытка, вопреки всем папским обещаниям, узаконить celibат униатского духовенства.

Таким образом, к концу существования Брестской унии стало совершенно очевидным, что она никогда не была союзом Церквей, но орудием подчинения Римской Церкви во всем: в вероучении, церковном устройстве, богослужении, обрядах и обычаях — во всех областях церковной жизни. Созданная без ведома и против воли церковного народа, Брестская уния была прислужницей магнатско-королевского правительства в Польше, а потом — императорско-королевской власти в Австро-Венгрии. Когда в 1914 году австрийские власти убивали униатских священников, представителей интеллигенции и крестьян, тысячами мучили их в лагерях Тадергофа и Терезиенштадта «за

⁵¹ Митрополит Макарий. Цит. соч. Т. 9, с. 631.

⁵² Хруцкий С. Великий обвинитель унії. — “Епархіальний вісник”, №№ 5, 6, с. 152, 154.

склонность к Православию», в защиту их не раздалось ни единого слова ни во Львове, ни в Риме.

Вторая польская оккупация Галиции в 1919–1939 гг. стремилась задушить всякое проявление Православия, сохранившегося после развала Австро-Венгрии. Значительно усилился политический и экономический натиск на украинское население. Экстремистская политика польского буржуазного правительства, поселение на украинских землях жителей Польши, ликвидация школ, «нумерус кляузус» против украинцев в университетах, пресловутые процессы за «фальсификацию метрик», предоставление работы только тем, кто свою метрику крещения передал в костел, — все эти мероприятия должны были окончательно ликвидировать Православие и российскую ориентацию галицких украинцев. Однако этим планам не суждено было осуществиться.

Распространение Православия на Лемковщине, необходимость в 1930–1934 гг. использования такой небезопасной меры, как пацификация⁵³, было наглядным доказательством того, что население оккупированной Галиции никогда не признавало чуждой ему власти. Ничто, даже пацификация, не смогло остановить стремления к воссоединению со всем украинским народом, не поколебало веры в Православие. На Восток были обращены взоры галичан, откуда всегда ожидали помощи, и ожидали не напрасно.

В сентябре 1939 года гитлеровские фашистские орды, покончив в течение двух недель с польской военной силой, начали проникать на территорию западных земель Украины. При таких обстоятельствах Советское государство не могло оставаться пассивным наблюдателем. 17 сентября 1939 года Советская Армия вступила на территорию Галиции и за несколько дней освободила из-под чужого ярма своих единокровных братьев. Плебисцит и собрание народных представителей в дни 26–28 октября 1939 года единодушно проголосовали за воссоединение Западной Украины с Восточной. За этим последовало воссоединение в 1940 году Буковины и Измаильщины, а в июне 1945 года воссоединилось столетиями насильственно отторгнутое Закарпатье.

Политическое воссоединение западнорусских земель позволило верующим людям навсегда покончить с некогда навязанным религиозным разъединением. В этом избавлении православного народа, в его стойкости и выдержке в условиях религиозного, политического и физического угнетения верующий человек видит волю Премудрого Божиего Провидения, победу Божией правды над греховными, лукавыми людскими замыслами.

Известно, что в последние годы своего существования Брестская уния запятнала себя теснейшим сотрудничеством с украинско-немецкими националистами и омерзительным прислужничеством гитлеровскому фашизму — безжалостному врагу не только украинского народа, но и всего человечества. Во время фашистской оккупации митрополит Андрей (Шептицкий) обратился к духовенству с посланием, в котором говорилось: «Настало время, когда мы должны оказать помощь немецкой власти...» Митрополит Иосиф (Слипый), полностью перешедший в распоряжение немецких оккупантов, требовал от верующих и духовенства сопротивления Советской власти. Преступная деятельность униатской иерархии показала духовенству и верующему народу порочность и гибельность пути, по которому вели униатские идеологи.

Понятны поэтому горькие слова основателя Инициативной группы по воссоединению Греко-Католической Церкви с Русской Православной Церковью протопресвитера д-ра Гавриила Костельника, сказанные в заявлении правительству Украинской ССР: «Довольно! Мы сыты Римом, сыты унией с Римом!.. Брестская уния создавалась как Инициативная группа по окатоличиванию всего Востока, всех народов России, и в первую очередь украинцев, белоруссов, а потом — русских... Мы когда-то гордились тем, что уния — Поцеева уния — укрепляла нашу церковно-культурную индивидуальность

⁵³ Пацификация (лат. — умиротворение) — официальное название карательных экспедиций, направленных на подавление народных движений.

и помогала приблизиться к христианско-цивилизированной Европе. И вот теперь мы видим, что принесла нам христианская цивилизованная Европа. Это-море крови и страданий нашего народа, рабство, от которого наш народ спасла героическая армия свободных народов, объединенных дружбой в великом Советском Союзе»⁵⁴.

Инициативная группа по воссоединению Греко-Католической Церкви с Русской Православной Церковью, после девяти месяцев напряженной работы среди духовенства на местах, созвала во Львове 8–10 марта 1946 года Собор, в состав которого вошли два епископа — Дрогобычский и Самборский д-р Михаил (Мельник) и Станиславский и Коломыйский Антоний (Пельвецкий) и 214 священников, деканов и представителей клира всех трех греко-католических епархий и 19 мирян. Собор единодушно постановил, выражая волю всего верующего народа, отвергнуть постановления Брестского униатского собора 1596 года, ликвидировать Брестскую унию, прекратить общение с Ватиканом и возвратиться к отеческой Православной Вере, просить Святейшего Патриарха Московского и всея Руси соединить Греко-Католическую Церковь с Русской Православной Церковью.

* * *

Только в Закарпатье оставалось еще порождение Брестской унии — Ужгородская уния 1646 или 1649 года. Первые попытки распространения унии оказались безуспешными. И только невыносимые издевательства и унижения, которым подвергались священники наравне с крестьянами, заставили 63-х служителей принять унию. Уния была провозглашена в католическом костеле ужгородского замка, где можно было не опасаться народного гнева. Ясно, что Ужгородская уния не имела никаких церковных религиозных оснований. Переговоры об унии велись только с духовенством. Насколько изменилось положение священников после перехода их в унию, видно из того, что прихожане стали называть своего униатского пастыря не отцом, а «паном» (господином). Поэтому в борьбе против унии, помимо религиозных основ, всегда явно выступает социальный момент — стремление освободиться от различных повинностей своему «пану»⁵⁵.

Верующий народ Закарпатья не принял унию, от нее отходили и некоторые униатские священники. Получив образование, священник Михаил Андрелла покинул унию и, следуя примеру афонского инока Иоанна (Вышенского), боролся с ней проповедническим словом. В ответ на попытки властей уничтожить Православие, добиться полной латинизации унии, в 1760 году вспыхнуло восстание во главе с иеромонахом Софронием. От унии отошло тогда большинство приходов. Когда это движение было подавлено, часть православных перешла в протестанство. Другая часть в унии мадьяризировалась, и в 1912 году была основана епархия, в храмах которой богослужения совершались на венгерском языке. Среди униатского духовенства Закарпатья было немало священников «мадьяринов».

Верующий народ Закарпатья, находясь в унии, хранил православную веру, понимая религиозный, социальный и национальный вред, причиняемый унией. Достаточно было незначительного повода, чтобы порвалась не только формальная, но и насильственная связь народа с унией. Воссоединение с Православной Церковью началось среди закарпатских эмигрантов-униатов в Америке. Туда они прибыли в 60-х годах прошлого столетия, спасаясь от голода, нужды и австрийского гнета. С прихожанами поехали и некоторые священники. Униаты в Америке были подчинены духовному руководству католического епископа в г. Миннеаполисе. Когда он отказался принять женатых свя-

⁵⁴ Даниленко С. Т. Униаты. М., 1972, с. 181.

⁵⁵ Бендас Михаил, протоиерей. Борьба віруючого українського народу на Закарпатті з унією. — «Православний вісник», 1959, № 7, с. 217.

щенников, Рим послал униатам ревностного сторонника латинства епископа Сотера (Ортынского), подчинив его католическому епископу.

Попытки превратить в настоящих католиков закарпатцев, которые в душе чувствовали себя православными, привели к тому, что в 1891 году, по примеру священника Алексия Товта и его прихожан, в Православие перешли 14 священников с приходами. Постепенно оставляли унию и новые украинские приходы в Америке⁵⁶.

В начале XX века верующий народ Закарпатья заявлял о своем желании возвратиться к отеческой Православной вере и Матери-Церкви. В селах Бехерово, Великие Лучки, Иза большое число униатов почти одновременно стало возвращаться в Православие. Униатское духовенство, при содействии австро-венгерского правительства, старалось остановить это движение и организовало два известных марамарошских «схизматических» судебных процесса 1904 и 1914 годов, когда на столе среди вещественных доказательств «вины» подсудимых были Евангелия, Апостолы, другие православные богослужебные книги киевской или московской печати и различные церковные предметы. Как в Галиции, так и в Закарпатье во время войны 1914 года принадлежность к Православию считалось государственной изменой и каралась по законам военного времени. Однако ни так называемые процессы, ни другие преследования не в состоянии были сдержать движения закарпатцев к Православию.

После первой мировой войны распространение Православия среди галичан и закарпатцев продолжалось. В 1927 году перешло в Православие более 20 тысяч галицкого населения. То же происходило и в Закарпатье, где за короткое время было создано 68 православных приходов, имевших до 100 тысяч исповедовавших Православие. Так и здесь история показала крайнее бессилие унии.

В 1929 году появился декрет Папы Пия XI о celibате униатского духовенства в Америке, который еще более активизировал стремление украинских эмигрантов греко-католиков, духовенство и прихожан, к воссоединению с Православной Церковью. Оставившие унию вошли на правах автономии в подчинение Греческой архиепископии Северной и Южной Америки и в настоящее время относятся к юрисдикции Константинопольского Патриархата.

После распада австро-венгерской империи число православных приходов в Закарпатье из года в год, несмотря на фактическую поддержку унии буржуазным чехословацким правительством, возрастало. Духовное руководство Православной Церковью осуществлял епископ Владимир (Раич), посланный Сербской Патриархией. Марионеточное «украинское» правительство униатского священника Августина Волошина, недавнего мадьярона и гитлеровского прислужника, путем юрисдикционных споров причиняло большой вред Православной Церкви в Закарпатье. Униатское руководство в лице епископа Александра (Стойки) и его каноников усердно помогало угнетению местного населения.

Православная вера и Православная Мать-Церковь по-прежнему пользовались любовью народа. Возвращение к Православию означало протест против насилия над совестью, против режима, поддерживавшего унию, оно являлось свидетельством неумиравших надежд верующих людей на религиозное, национальное и государственное воссоединение с родными братьями в Советском Союзе.

Этим надеждам воля Господня судила исполниться. Под натиском Советской Армии пал немецкий и мадьярский фашизм, с которым в Закарпатье сотрудничала и связала свою судьбу униа. В июне 1945 года Закарпатье вошло в состав Советской Украины. В октябре того же года Священный Синод Сербской Церкви передал Мукачевскую епархию в юрисдикцию Русской Православной Церкви. На Мукачевскую кафедру получил назначение епископ Уманский Нестор. Разбиты и развеяны были враждебные

⁵⁶ Там же, с. 219.

силы, создававшие и поддерживавшие унию, и руководители ее увидели, как их паства, особенно в Тячевском, Раховском, Хустском, Иршавском, Свалявском. округах оставляет унию и возвращается к Православию.

В 1948 году Святейший Патриарх Алексей и Священный Синод Русской Православной Церкви поручили архиепископу Львовскому и Тернопольскому Макарию послужить делу воссоединения закарпатских греко-католиков с Русской Православной Церковью. На отеческое обращение архипастыря к своей православной пастве откликнулись «всечестное греко-католическое духовенство и весь верующий народ Закарпаття». По первому призыву архиепископа Макария 130 священнослужителей Греко-Католической Церкви в Закарпатье воссоединились с Православной Русской Церковью. Благочестивый народ повсюду с радостью возвращался в лоно Православия.

5 апреля 1949 года в Ужгороде состоялось совещание представителей воссоединенного духовенства Мукачевской епархии. Участники его обратились к греко-католическому клиру и мирянам с призывом, следуя их примеру, восстановить церковное единство с народом в Православной Церкви. Это обращение с готовностью было встречено большинством духовенства. В день Успения Пресвятой Богородицы, 28 августа 1949 года, торжественным богослужением в Мукачевском Свято-Николаевском монастыре на Чернечей горе при стечении великого множества молящихся было отпраздновано воссоединение греко-католиков Закарпаття с Матерью-Русской Православной Церковью.

Обращаясь к своей воссоединенной пастве, архиепископ Макарий говорил: «Пришло, наконец, благословенное время, когда на всем пространстве нашей, искони православной Руси-Украины не стало унии с Римом! Нет и не может быть среди нас места для нее, потому что только для того, чтобы унижить, разъединить и обессилить народ наш, чтобы поработить его, — только для этого насаждалась уния в народе нашем. И кто может жалеть о том, что, наконец, в последнем уголке — на Закарпатье среди нашего народа исчезает уния, это воспоминание о духовной неволе и унижении народа?..

Да святится воля Божия, возвратившая нам снова спасительное единство в Православной вере со всем родным народом! Да благословит Бог мира и Отец щедрот наше единство в Святой Православной Церкви! Как любвеобильная мать, она привлекает к своему сердцу всех нас как дорогих детей: и тех, которые в тяжелое прошлое время терпением исповедничества засвидетельствовали свою верность ей, и тех, которые ныне приносят ей свои чистые надежды, теплое расположение, сохраненное во времена испытаний, и сердце, наболевшее и долгой духовной разлуке»⁵⁷.

Униатский митрополит Андрей (Шептицкий), признав безуспешность Лионской и Флорентийской унии, вызвавших на православном Востоке глубоко неприязненное к ним отношение, писал: «То же самое нужно сказать и о Брестском соборе русинов (украинцев и белоруссов). Этот собор, который для нас, украинских католиков, стал фундаментом всего нашего церковного обновления... до такой степени ненавистен разделенным восточникам (православным — Ред.), что во всей литературе о деле этого собора у них едва ли можно встретить благоприятный отзыв. Несмотря на то, что вся иерархия нашей Церкви того времени приняла инициативу возвращения в послушание Римскому епископу, разделенным (православным) удалось идее унии так противопоставить идею разделения (верности отеческому Православию! — Ред.), что многие тысячи, пожалуй, именно из-за этого собора были потеряны для унии»⁵⁸.

Усвоив католическую точку зрения на то, что паства обязана беспрекословно слушаться епископов, идеолог униатства намеренно умалчивает о том, что уния, задуманная епископами, встретила решительное осуждение всего церковного народа еще до ее

⁵⁷ Там же, с. 220.

⁵⁸ Andreas Graf Scheptychcky. Einleitung. Der christliche Osten. Gest und Gestalt. Regensburg, 1939 S. 13.

провозглашения . Принятие на униатском синоде епископов «послушания Римскому епископу», как определяет Брестскую унию митрополит Андрей, решительно было отвергнуто на Православном Брестском Соборе, действительно выражавшем волю хранителя благочестия — православного украинского и белорусского народа, его иерархии, духовенства и мирян. Этим и объясняется народная борьба против унии и то, что митрополиту Андрею, несмотря на его усилия по укреплению унии всеми возможными средствами, суждено было увидеть приближение ее конца. Брестская уния, как и все унии, была источником разъединения Церквей, причиной братоубийственной вражды и тяжких страданий украинского и белорусского православных народов.

* * *

Ознакомление с историей усилий Римского престола подчинить себе Православный Восток посредством уний убеждает в том, что все они заключались против воли церковного народа с императорами в Византии, а на Украине — с частью иерархии, искавшей в унии для себя выгод и угождавшей польской королевской власти. Не имея духовной опоры, уния всегда искала поддержки сильных мира сего, но не у своего народа, и, теряя эту поддержку, лишалась самой основы своего бытия. Не имея единства в себе Самой, ибо в унии не прекращалась борьба защитников Православия и сторонников латинизации, Брестская уния, как и все подобные церковные унии, пришла к своему закономерному концу: большинство духовенства и верующий народ Западной Украины, хранивший, как святыню, память о Православии своих предков, единодушно воссоединились с Православной Церковью.

Верим, что истинная любовь к Богу и ближним приведет и зарубежных приверженцев унии — Украинскую Католическую Церковь восточного обряда в лоно Православия. Искренние добрые чувства к родному народу и Отчизне укажут их сердцу правильный путь к возвращению на оставленную *«первую любовь»* (Откр. 2:4) православных предков, путь, указываемый молитвословием Евхаристического канона Божественной Литургии: *«Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы»*. Пусть же придет для них и для нас этот час!

Издание Украинской Православной Церкви
Киев, — 1990 г.